

УДК 81'1

РЕЧЕВОЕ ТВОРЧЕСТВО КАК ОТКЛОНЕНИЕ ОТ НОРМЫ

И.Н. Щекотихина

Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, Орел

Статья рассматривает феномен речевого творчества с позиции его понимания как отклонения от нормы. В ней проводится анализ точек зрения на природу понятий «языковая норма» и «языковая аномалия». На основании анализа делается вывод о преимуществах комплексного (интегративного) подхода к проблеме идентификации творческого в речевой деятельности.

Ключевые слова: речевая деятельность, речевое творчество, языковая норма, языковая аномалия.

Speech Creativity as a Deviation from the Norm

Irina N. Schekotikhina

Orel State University

The article focuses on the phenomenon of speech creativity viewed as deviation from the norm. It discusses different viewpoints on “language norm” and “language anomaly” and concludes with advantages of the complex (integrative) approach to addressing the problem of effective identification of creativity in speech activity.

Key words: speech activity, speech creativity, language norm, language anomaly

Природа творчества по-разному представляется разными научными школами и направлениями. Тем не менее, в ряде трактовок подчеркивается принципиальная новизна продукта творчества, возникающая в результате выхода за пределы заданного [9], за рамки требуемого [4]. Иными словами, творчество сопряжено с преодолением границ, установленных некими нормами, правилами, канонами, с отклонением от шаблонов, образцов, стандартов и т. п. Подобное свойство определяет и суть речевого творчества. Как отмечает Т.А. Гридина, «проблема языкового творчества предстает как соотношение языкового стереотипа (стандарта) и намеренного (осознанного) отклонения от этого стандарта в речевом поведении личности» [8. С. 3].

Понятия стандарта, нормы, образца часто используются в контексте освещения вопроса о лингвистическом понимании феноменов стереотипности и творчества. Однако разноплановость соотносимых с ними сущностей побуждает нас уточнить смысл указанных понятий.

Языковая норма – одно из неоднозначных понятий в лингвистике. Его неоднозначность заключается, во-первых, в его двояком (дескриптивном и прескриптивном) истолковании. С одной стороны, норма соотносится с языковой традицией, с тем, что принято говорить в данном обществе, с другой – она трактуется как результат целенаправленной кодификации языка, отраженный в нормативных

источниках и рекомендуемый к употреблению [11]. Различают также норму как атрибут общенародного языка и норму какого-либо идиома языка (например, литературного языка или диалекта). Понятию нормы (нормы языкового сознания коллектива) также противопоставляют понятие нормативности (специфического свойства литературного языка) [5].

В отличие от системно-структурного (таксономического) подхода, представляющего норму как производную от системы языка, функциональный (динамический) подход подчеркивает социально-историческую обусловленность нормы как результата речевой деятельности, который закрепляет традиционные реализации системы или творит «новые языковые факты в условиях их связи как с потенциальными возможностями системы языка, с одной стороны, так и с реализованными образцами – с другой» [19. С. 53].

Отмечается также, что норма не является сугубо языковой категорией, она «включает и психологическо-социальный момент, связанный с представлениями носителей кода о правильной, престижной речи» [10. С. 7], «отражает речевые вкусы, предпочтения социокультурной элиты определенного исторического периода» [15. С. 101], выступая тем самым как аксиологическая категория, на что указывал Г.В. Степанов [22].

Однако понятие нормы соотносится не только с понятием правильности (орфоэпической, грамматической, словообразовательной и пр.). Оно связано с коммуникативной / ситуативной (шире – дискурсивной) адекватностью речевых форм, их функциональным соответствием коммуникативным задачам общения. Исследователи обращают внимание на тот факт, что «вопрос о нормативности уходит из поля кодификации, а понятие правильное / неправильное все чаще заменяют понятием уместное / неуместное» [21. С. 5], что происходит «риторизация» нормы, проявляющаяся в смещении приоритетов с «правильности» сначала на «уместность», а затем и на «эффективность» [14].

Таким образом, выявляется довольно широкий диапазон сущностей, ассоциируемых с понятием «норма», которое дифференцируется в зависимости от плана рассмотрения явлений речевой деятельности (средства языкового выражения, способы организации смысла, стратегии общения и т. д.). Комплекс разноплановых норм образует норму того или иного периода в истории языка, идиома, типа дискурса, функционального стиля (формата дискурса), жанра и т. п. То, что считается нормативным (правильным, уместным и т. п.) в рамках одной сферы (социальной, культурной, жанровой и пр.), может не восприниматься таковым в другой. Функции нормы в этом смысле коррелируют с функциями, «обнаруженными» у социальных стереотипов: организация и регуляция речевого поведения, идентификация «своего» и «чужого» и пр.

Комплексное понимание нормы соотносится с понятием образца речи. По мнению О.В. Кукушкиной, носитель языка усваивает не сами нормы (в значении правил), существующие в языке, а конкретные единицы, построенные по этим правилам. «При накоплении в памяти достаточного числа готовых единиц происходит вычленение в них постоянных и переменных элементов, т. е. становление в сознании модели, образца» [13. С. 33].

Исследователи также отмечают диалектический характер нормы, требующий, с одной стороны, стабильности образцов и правил, а с другой – допускающий их «подвижность», т. е. существование вариантов, возможность «языкового плюрализма» [7. С. 31]. Это свойство нормы называют эластичностью [20], толерантностью [12]. «Нежесткая» природа языковой нормативности проявляется и в разной степени обязательности норм: от императивных, нарушение которых расценивается как грубая ошибка, как признак невладения культурой речи, до не строго обязательных, допускающих известные отклонения. В целом указывается на то, что норма по своей сути сопряжена с понятием отбора, селекции и представляет собой шкалу «переходов от того, что находится за пределами данной формы, к тому, что допустимо, но нежелательно (не рекомендовано), и далее к тому, что единственно возможно» [15. С. 101].

Помимо термина «норма», ряд авторов (Е.Д. Поливанов, Д. Брозович, А.Я. Шайкевич, В.М. Живов и др.) употребляют термин «стандарт» («языковой стандарт», «стандартный язык»), который восходит к западной лингвистической традиции и во многих случаях соответствует термину «литературный язык» (в смысле литературной нормы). Использование термина «языковой стандарт» для номинации особого рода языковых знаков (стереотипных высказываний, типовых речевых конструкций, коммуникативных клише и т. п.) в данной публикации не рассматривается.

В целом, как видим, понятия нормы, стандарта, образца задают те самые рамки, выход за пределы которых характеризует творческое начало в речевой деятельности человека.

Следует вместе с тем отметить, что отклонение от нормы (стандарта, образца) является показателем различных языковых аномалий (девиаций), под которыми в общем виде понимаются «нарушения правила употребления какой-то языковой или текстовой единицы» [2. С. 50], «явления, которые нарушают какие-либо сформулированные правила или интуитивно ощущаемые закономерности» [6. С. 433]. В определении Т.Б. Радбиля [18] уточняются «области» возможных нарушений. Это может быть нарушение нормы или правила употребления какой-то языковой или текстовой единицы, речевого стереотипа, принятого в узусе, общего принципа коммуникации или речевого поведения в целом, обман ожидания и т. п.

Языковая аномальность в целом представляется как градуируемое свойство, проявляющееся в разной степени [2]. Под это понятие подводится разнообразный круг явлений, как весьма широкий, так и довольно узкий (см., например, работы Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, И.М. Кобозевой, Т.В. Булыгиной, А.Д. Шмелева, Е.В. Падучевой, Т.Б. Радбиля и др.). Это могут быть не только продукты творческой деятельности, но и речевые ошибки, оговорки, ляпсусы и т. п. В этой связи встает вопрос о их разграничении.

В литературе по языковым аномалиям принято деление на намеренные и ненамеренные аномалии [2; 6 и др.]. К ненамеренным аномалиям относят нарушения, порожденные говорящим случайно. Намеренные аномалии порождаются сознательно, в целях языковой игры. Среди них различают а) авторские аномалии как явления текста, создаваемые для достижения определенного эстетического или интеллектуального эффекта; б) результаты экспериментальных манипуляций над единицами языка, производимых лингвистом с целью изучения свойств этих единиц и получения нового знания о языке [2. С. 51].

Соответственно, отличительным признаком языкового / речевого творчества (авторских вольностей, речевых приемов и т. п.) можно считать намеренность нарушения норм языка с целью достижения определенного выразительного эффекта. Однако и спонтанно порожденная аномалия, не нацеленная на языкотворчество, может создавать подобный эффект. Творческий процесс по своей сути – это процесс спонтанный, по крайней мере, в его основной фазе – фазе инкубации. И, несмотря на то, что творческая активность может направляться вполне осознаваемыми целями и мотивами, протекает она в неосознаваемом режиме, результат ее часто непредсказуем.

Таким образом, исследователи приходят к выводу о том, что разграничение ненамеренных и намеренных аномалий, важное с точки зрения прагматики высказывания, оказывается нерелевантным при рассмотрении собственно языкового механизма его порождения, который и у тех, и у других одинаков (нарушение языковых правил, границ классов, конвенций общения, общих принципов речепорождения, расширение законов комбинаторики, выбор «чужой» единицы и т. п.) [3; 17; 18].

Тот факт, что речевые приемы и ошибки порождаются одним и тем же механизмом, отмечает и Л.Н. Мурзин [16]. Этим механизмом, с точки зрения психолингвистики, является механизм ассоциирования. Его ключевыми характеристиками считаются произвольность (спонтанность) и вероятностность, а также способность связывать друг с другом единицы различных кодов и их элементы, группировать их на основании различных признаков (звуковых, структурных, смысловых) и по

разным принципам (категориальной принадлежности, категориальной совместимости и т. д.).

Языковая аномалия в этом смысле – нарушение типовых (привычных) способов ассоциативной связи. В случае ошибки такое нарушение может быть результатом временного сбоя в ассоциативном механизме (ассоциативной интерференции форм и смыслов, блокировки связей и т. д.). Кроме того, мы полагаем, что речевая ошибка представляет собой отклонение от нормы в пределах очевидного, сбой в пределах привычной зоны поиска, в рамках «хоженных ассоциативных тропок». Творчество – это обнаружение неочевидных (глубинных) связей. Ошибка не воспринимается как новый способ, новое средство представления чего-либо, это неконструктивное отклонение от нормы. Продукт творчества в этом смысле – аномалия, порождающая функциональную новизну, оригинальный способ видения (осмысления) и выражения.

Тем не менее, следует заметить, что сама аномалия как творческая вольность может быть неудачной (дефектной, шероховатой), проявляться «авторской глухотой» (выражение М. Горького). Вопрос об отнесении такого языкового произвола к категории творческих находок или к категории «завихрений языка» (выражение В.В. Абашева) встает еще более остро. С одной стороны, отклонение от правил и норм «может быть рационально мотивировано, коммуникативно адекватно, прагматически успешно и семантически осмысленно» [18. С. 9], а с другой стороны, в сфере образности оценка результатов творчества часто носит субъективный характер. Как показывает практика, в вопросе разграничения «вольности» и «глухоты» немаловажную роль играет понятие вкуса, а «границы хорошего вкуса изменчивы, ракурсы восприятия разнообразны» [1. С. 340].

Таким образом, являясь порождением одного механизма, «один и тот же факт речи может появиться в результате ошибки, обмолвки, незнания правил, а может быть предметом языковой игры» [17. С. 247]. Ср. *человеки, интертрепация, хочете, уходя, делов, рецензист* и др. Поэтому ученые говорят о том, что языковая ошибка имеет тенденцию к превращению в языковую игру, о том, что не всегда легко провести грань между ошибкой и игрой.

Кроме того, исследователи указывают на то, что понятие языковых аномалий неоднородно в разных режимах существования языка (обыденного языка и художественной речи), что в художественном тексте «разрешены» многие отклонения от норм естественного языка в его нехудожественном режиме функционирования, что художественный текст предполагает аномальность как специфичную черту своего устройства [18]. Нам видится конструктивным предложение автора о рассмотрении аномальности художественного текста с позиций разных модусов («реальность» – «текст») и разных аспектов (языковые средства, принципы

повествования, субъектная организация повествования, текстовые категории), поскольку статус того или иного явления как нормативного или аномального во многом зависит от угла рассмотрения.

Данное положение справедливо и по отношению к речевой деятельности в целом. Мы имеем в виду, что интерпретация фактов отклонения от нормы в продуктах и актах речепорождения может и должна происходить в разных системах координат, соотносимых с разными «измерениями» (аспектами) речевой деятельности, которые задают ракурс рассмотрения и направление анализа. Каждое такое «измерение» располагает набором специфических параметров, соотносимых с определенными характеристиками конкретного речевого продукта. Эти параметры и подлежат оценке с точки зрения нормативности / аномальности и, в частности, стереотипности / креативности соответствующих речемыслительных действий говорящего и их результатов. Выявление наиболее полного спектра таких параметров во многих случаях нуждается, на наш взгляд, в совмещении опыта лингвистического, психолингвистического (когнитивного) и коммуникативно-прагматического анализа. Подобная интеграция позволяет проводить более детальное «сканирование» речевых фактов и отслеживать в них «знаки» творчества.

Библиографический список

1. *Абашев В.В.* Упоительный шаблон (стереотип как машина творчества) // Стереотипность и творчество в тексте: Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 7. Пермь: Перм. ун-т, 2004. С. 325-350.
2. *Апресян Ю.Д.* Языковые аномалии: типы и функции // Res Philologica: Филологические исследования. Памяти академика Георгия Владимировича Степанова (1919-1986) / Под ред. Д.С. Лихачева. М.- Л.: Наука, 1990. С. 50-71.
3. *Апресян Ю.Д.* Языковая аномалия и логическое противоречие // Апресян Ю.Д. Избранные труды. В 2 т. М.: Языки русской культуры, 1995. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. С. 598-621.
4. *Богоявленская Д.Б.* Психология творческих способностей. М.: Академия, 2002. 320 с.
5. *Брозович Д.* Славянские стандартные языки и сравнительный метод // Вопросы языкознания. 1967. № 1. С. 3-33.
6. *Булыгина Т.В., Шмелев А.Д.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Языки русской культуры, 1997. 574 с.
7. *Буров А.А.* Основы культуры речи. Пятигорск, 1996. 102 с.
8. *Гридина Т.А.* Языковая игра: стереотип и творчество: Монография. Екатеринбург: Уральск. гос. пед. ун-т, 1996. 214 с.

9. *Дружинин В.Н.* Психология общих способностей. СПб.: Питер, 1999. 368 с.
10. *Ерофеева Е.В.* К вопросу о соотношении понятий норма и узус // Проблемы социо- и психолингвистики: Сб. ст. / Отв. ред. Т.И. Ерофеева. Вып. 2. Пермь: Перм. ун-т, 2003. С. 3-8.
11. *Косериу Э.* Синхрония, диахрония и история (проблема языкового изменения) // Новое в лингвистике. 1963. Вып. 3. С. 123-343.
12. *Крысин Л.П.* Иноязычное заимствование и калькирование в русском языке последних десятилетий // Вопросы языкознания. 2002. № 6. С. 27-34.
13. *Кукушкина О.В.* Речевые неудачи как продукты речемыслительной деятельности: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Москва, 1998 // Электронный ресурс Интернет: http://www.philol.msu.ru/~humlang/articles/ref_oka1.htm (дата обращения: 30.03.2016).
14. *Куликова Э. Г.* Норма в лингвистике и паралингвистике: Дис. ... д-ра филол. наук. Ростов-на-Дону, 2004. 312 с.
15. *Литвинов В.А.* Исторический характер лингвистической нормы // Российский гуманитарный журнал. 2013. Т. 2. № 1. С. 87-102.
16. *Мурзин Л.Н.* Норма, речевой прием и ошибка с динамической точки зрения // Речевые приемы и ошибки. Типология, деривация и функционирование: Сб. науч. трудов. М., 1989. С. 5-13.
17. *Норман Б. Ю.* Игра на гранях языка. М.: Наука, 2006. 342 с.
18. *Радбиль Т.Б.* Языковые аномалии в художественном тексте: Андрей Платонов и другие: Монография. М.: Флинта, 2012. 322 с.
19. *Сворцов Л.И.* Норма. Литературный язык. Культура речи // Актуальные проблемы культуры речи. М., 1970. С. 40-103.
20. *Скворцов Л.И.* Теоретические основы культуры речи. М., 1980. 352 с.
21. Современный русский язык: Коммуникативно-функциональный аспект: Уч. пос. Ростов-на-Дону: Изд-во РГПУ, 2000. 163 с.
22. *Степанов Г.В.* О двух аспектах понятия языковой нормы (на испанском материале) // Методы сравнительно-сопоставительного изучения современных романских языков. М.: Наука, 1966. С. 226-235.